

**ПОСТОЯНСТВО VS НЕПОСТОЯНСТВО.
МАРГИНАЛИЗАЦИЯ СЕМЬИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ¹⁷**

Предметом рассмотрения является кризис нуклеарной семьи и перспектива ее возможной маргинализации по отношению к альтернативным (мобильным) союзам. Анализируются духовные, социальные и экзистенциальные причины кризиса семьи и связанного с ней способа воспроизводства человека.

Ключевые слова: человек, гуманизм, ускорение, самовыражение, семья, кризис, аутизация, депопуляция

S.A. Lishaev, Samara University

**CONSTANCY VS INCONSTANCY.
MARGGINALIZATION OF FEMILY IN THE DIGITAL AGY**

The article considers the crisis of nuclear family and the prospect of its probable marginalization compared to the alternative (mobile) relationships. Much attention is given to the analysis of the spiritual, social and existential causes of the crisis of family and of the related human reproduction method.

Keywords: man, humanism, acceleration, self-expression, family, crisis, autistification, depopulation.

Научно-технический прогресс, технологические и социальные революции, атомизация человека – прямые следствия гуманистической установки. Ставка модерна и постмодерна на человека, ограниченного внутрижизненным темпоральным горизонтом и устремленным в будущее, имеет следствием резкое ускорение общественных процессов [1], исчезновение или трансформацию многих традиционных социальных институтов, форм общения и воспроизводства человеческого в человеке.

Атомизация социального пространства сказалась и на семье. Семья – и чем ближе к нашему времени, тем больше – вступает в противоречие с установками субъекта. Стремление к признанию и успеху, логика

¹⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 19-011-00910 «Маргинальные феномены человеческого бытия (Антропология ad Marginem)».

самоутверждения вступает в конфликт с ограничениями, которые накладывает на человека «жизнь вместе». Этот конфликт обострился настолько, что само существование семьи оказалось под вопросом. Уже довольно давно исчезла патриархальная семья, включавшая в себя несколько поколений, сегодня мы имеем дело с процессом маргинализация малой, нуклеарной семьи. Ее окончательное разрушение вызовет своего рода «ядерную реакцию» в результате расщепление социального ядра общества, его базовой модели. Семья – социальный микрокосм, ее полное расщепление будет иметь/имеет катастрофические последствия для модели воспроизводства человека, господствовавшего до настоящего времени. С исчезновением нуклеарной семьи исчезнет и тот человек, которого мы знали и еще знаем.

Кризис семьи – одной из крайних следствий гуманистической ставки на человека как субъекта, задающего в качестве лежащего в основе характера социальных, экономических, политических структур и общностей. Все формы взаимодействия человека с природой и другими людьми производные от его разума и воли; заранее предполагается, что природа и общество сообразуются с его волей. Любые связи и отношения рассматриваются через призму интересов, потребностей и желаний индивида как субъекта. Единственной границей самоутверждающегося «я» признается суверенная воля другого субъекта и его право на самореализацию. Неизбежное следствие такого расклада – постепенное разрушение наиндивидуальных общностей, вхождение в которые рассматриваются субъектом как обременительные, ограничивающие его свободу. Силы отталкивания, обособления все заметнее преобладают над силой «социального тяготения», притяжения, любви.

В традиционном обществе тем, что лежит в основе, – субъектом – выступали космос/Бог, суверен, народ, сословие, род, семья. («Я – последняя буква алфавита».) В этой системе координат производный субъект должен был сообразовывать свое поведение с первосубъектом и с коллективными субъектами земной сборки. От человека ожидали служения целому, самоограничения и – в пределе – самопожертвования (героизм, подвижничество, святость, аскеза, призвание vs самозванство).

В обществе модерна и постмодерна субъект – это индивид в его субстанциальной свободе мыслится как основание сущего, и в качестве такового не терпит ограничений и исходит из своего права диктовать свои условия и обществу. Логика субъекта ведет к эмансипации индивида и поэтапному *ослаблению его связей с наиндивидуальными общностями малого и среднего уровня*, препятствующими его самоутверждению. Одно дело быть

гражданином мира, другое – тем, кто реализующего свою человечность через посредство коллективных тел, будь то тела империи, церкви, народа, землячества, местечка, рода (фамилии), семьи. Общности средней и – особенно – малой размерности наиболее очевидным образом ограничивают суверенную волю, хотя они же защищают его от утраты определенности и растворения во «всечеловечности». Шансов быть «унесенным ветром» у атомизированного индивида заметно, больше чем у того, кто укоренен в социальной и духовной «почве», кто не одинок. Семья сохраняет самостоятельность через форму события с близкими: так легче устоять под порывами «цифрового ветра».

В конце XVIII – начале XIX вв. общество публичности сменило общество интимности [2, с. 10-11]. В последнем частная жизнь полагается чем-то более важным, чем события, происходящие в публичном пространстве. В цифровую эпоху уже интимные, малые общности. Малые общности (интимные миры), основанные на родственных, семейных, дружеских связях сжимаются, как шагреновая кожа. Далекое становится все доступнее, близкое и близость – все недоступнее.

Сегодня общество интимности вступило в стадию аутизации, когда бытие-с-другим становится все менее доступным. Долговременные, обязывающие, требующие отказа от «я» в пользу общего, связи повсеместно разрушаются. Их заменяют *ситуативные*, временные *союзы* без обязательств и обременений. Публичное и интимное, благодаря социальным сетям и цифровому формату общения, меняются: публичное теперь интимно (весь мир в смартфоне, а я – в доме), а интимное – публично (то, что происходит со мной у меня дома, мои связи и интересы обретают публичный статус через презентацию в интернет-сетях). Общение со знакомыми становится все в большей мере удаленным, хотя переходы из on-line режима в off-line режим время от времени происходят. Однако навык длительного сосуществования с другим в реальном пространстве (в одном доме, одной квартире) уже во многом утрачен. Современному человеку трудно вынести постоянное присутствие другого.

Атомарно-сетевой, аутизированный человек меньше, чем люди досетевой эпохи, расположен к семейной жизни [3]. Выросший в режиме быстрых и коротких – необременительных – взаимодействий, легкий, как перышко, и свободный от долговременных обязательств, озабоченный самовыражением и самоутверждением «цифровой» человек все чаще склонен смотреть на семью как на ненужное обременение.

Нуклеарная семья еще рассматривается общественным сознанием как норма, но в нем уже утвердилось представление, что и бессемейная жизнь – это «тоже норма». Мы имеем дело с тенденцией к *уравниванию* в общественном сознании статуса «семьи» в значении юридически закрепленного союза мужчины и женщины с одним и более детьми с более или менее длительными формами сожительства без публично удостоверенных обязательств друг перед другом и перед обществом. Непостоянные и чаще всего не предполагающие рождения детей (как одного из главных обременений) формы сожительства все более распространяются среди людей молодого и среднего возраста. Если несколько десятилетий назад в России «неполная семья» (женщина с детьми) и незарегистрированные официально «отношения» воспринимались как маргинальные, сегодня это вариант «нормы». Несложно предвидеть, что следующей стадией трансформации общественных представлений о «естественных» формах бытия в совместности будет перемещение традиционной семьи в область маргинальных его форм.

Обеспокоенность государства сохранением семьи, вызванная прежде всего демографической ситуацией, не может изменить тенденции к маргинализации традиционной семьи. Материальные меры по ее поддержке не могут повлиять на тенденцию к депопуляции в странах «европейского мира». В лучшем случае они могут лишь немного замедлить ее. Причина очевидна: логика традиционной и тем более многодетной семьи «не монтируется» с логикой, лежащей в основе современного общества, где все, что ограничивает самовыражение человека в его отдельности, воспринимается как «преступное посягательство».

Подводя итоги, укажем на основные причины кризиса семьи как общественного института.

Представления о состоявшейся жизни связано с представлением об успехе и общественном признании. Усилия, направленные на воспроизводство семейного мира, не поддаются формализации, квантификации и сравнению [1]. Самореализация в форме «семейного строительства» воспитания детей не получает общественного признания («это ваше личное дело»). Ни известности, ни денег, ни власти семья не дает.

В секулярном обществе религия не оказывает той поддержки семье, которую она оказывала ей в религиозных обществах.

Семья более не воспринимается как условие выживания. Женщина имеет возможность работать и жить независимо от мужчины, более того, опираясь на

поддержку государства, она способна «поставить на ноги» одного или несколько детей без участия мужчины.

Бессемейный человек не подвергается осуждению общественным мнением, неформальные союзы воспринимаются как вариант нормы.

Наличие семьи и детей не является условием выживания в старости («стакан воды».) Эту функцию выполняет система пенсионного обеспечения, дома престарелых, социальные службы.

Стремительный демонтаж контактных форм взаимодействия с другим и расширение практик дистанционного взаимодействия, предполагающих быстрый и безболезненный выход из общения, приводит к деградации навыка совместного проживания с другими; семья становится все более трудным делом для легкого, свободного и аутичного субъекта цифровой эпохи.

Список литературы:

1. Лишаев С.А. Эффекты ускорения. Количество vs качество // Сознание как феномен бытия человека и общества: сб. научных трудов / под ред. М. П. Волкова. Ульяновск: УлГТУ, 2020. С.116-126.

2. Сеннет Р. Падение публичного человека. М.: Логос, 2002. 424 с.

3. Гавров С.Н. Историческое изменение институтов семьи и брака. М.: МГУДТ, 2009. 366 с.